

О ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МЕТОНИМИИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО ПРИНЦИПА**

В статье предлагается новый принцип типологии лексической метонимии, основанный на учете связи переноса лексем с типом концепта, который организует знание о соответствующей денотативной сфере и типе денотата. В рамках типологии переносов лексем разных частей речи выделены фреймовый, пропозициональный и сценарный типы лексической метонимии, возникающие на основе соответствующих типов концепта. Обосновано положение о том, что все эти типы лексической метонимии строятся на отношениях целого и части применительно к структуре того или иного концепта.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метонимия, концепт, фрейм, пропозиция, сценарий.

Когнитивное видение языковой образности исходит из признания метафоры и метонимии ментальными механизмами манипуляции с единицами представления знания. С учетом этого логично подходить не только к интерпретации, но и к типологии языковой образности с точки зрения ее связей с ментальными структурами. Если применительно к метафоре такой опыт был осуществлен на заре когнитивной лингвистики Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [6], то метонимия в этом смысле ждет своей очереди. Это не значит, конечно, что нет работ, в которых представлены такие попытки. Однако возможности когнитивной интерпретации метонимии далеко не исчерпаны.

Становится очевидным, что одни и те же ментальные единицы (концепты разных типов) играют важную роль при образовании и метафоры, и метонимии — только роль не одинаковую. Метафорообразование основывается на развертывании образа в логике этих единиц (пропозиции, сценария, фрейма и др.). А при образовании метонимии структуры тех же ментальных единиц предопределяют модели переноса (векторы сдвига фокуса внимания) между компонентами этих единиц на основе их смежности в составе концепта того или иного типа [2; 3].

Обращение к лексической метонимии с когнитивным понятийным аппаратом позволяет увидеть собственно когнитивный ее аспект — зависимость от единиц ментального уровня и предопределенность конкретного типа переноса теми ментальными единицами, в которых воплощается знание о денотате.

Лексическая метонимия, как известно, производит впечатление чрезвычайного многообразия, а ее классификации — впечатление атомарности. Укрупнению ракурса видения метонимии и, соответственно, обобщению типов метонимических переносов

* © Илюхина Н.А., 2015

Илюхина Надежда Алексеевна (ilnadezhda@rambler.ru), кафедра русского языка, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 15-14-63002).

(не отменяющему многообразных лексикологических классификаций) способствует опора на ментальные категории — концепт в его разновидностях (фрейм, пропозиция, сценарий) и введение понятий **фреймового, пропозиционального, сценарного** типов метонимии.

Соотношение целого и части, отношения частей одного целого является одним из важнейших типов логических отношений, организующих наше знание о мире и имеющих непосредственную проекцию на язык и речь. (Универсальный характер партитивных отношений наблюдается, в частности, как принцип воспроизведения семантики самых разных единиц: в картине семного варьирования значения слова в речи, семного варьирования многозначного слова, семантического варьирования метафорического образа, варьирования образ-схемы.) Имеется в виду, что сложный семантический континуум (семема, многозначное слово, семантика метафорического образа-концепта, образ-схемы) в речемышлении воспроизводится в объеме своей части — в виде актуальных сем, в виде одного ЛСВ многозначного слова, в виде нескольких признаков образа денотата при нейтрализации других компонентов целого.

Подчеркивая значимость партитивных отношений в когнитивной деятельности, Дж. Лакофф рассматривает их как разновидность образ-схем — образ-схему *часть—целое* он называет среди схем *связь, центр—периферия, источник—путь—цель, верх—низ, спереди—сзади, линейный порядок* и др. [5, с. 356–359]. Это означает, что *часть—целое* является способом осмысления познаваемого денотата, способом организации знания — определяет структуру концептов разных типов. Более того, названные Дж. Лакоффом образ-схемы сами построены по принципу частей целого: *центр и периферия* — это элементы (части) целого, прежде всего круга; схемы *источник—путь—цель, верх—низ, спереди—сзади* также представляют собой элементы единого целого. Что касается схем *связь, линейный порядок*, то это не что иное, как организация частей в составе целого. Следовательно, образ-схему *часть—целое* следует считать не рядоположенной остальным, она представляет собой предельно абстрагированную структуру концептов, в том числе образ-схем.

Отсюда следует предположение, что манипуляции с целым и его частями при воспроизведении знания в речевой форме являются важнейшим приемом когнитивной деятельности, который обнаруживается при наблюдении за функционированием разных языковых единиц, а также за воспроизведением концептов.

Рассмотрим роль и место партитивных отношений в развитии лексической метонимии, в генезисе которой этот тип отношений играет, по нашему убеждению, едва ли не ключевую роль, при этом применительно к словам разных частей речи: существительным, прилагательным и глаголам — и применительно к разным моделям лексического переноса. Это становится ясно лишь при взгляде на лексическую метонимию сквозь призму когнитивных единиц.

Многообразные отношения смежности (пространственной, ситуативной, логической и др.) **могут быть обобщены и сведены к отношениям целого и частей** в их логическом (понятийном) либо эмпирическом представлении. Применительно к ментальным единицам **целым** мы считаем концепт (концепт-картинку, концепт-фрейм, концепт-пропозицию, концепт-сценарий, концепт-гештальт), а частями — компоненты его структуры, связанные между собой конкретными отношениями, обусловленными структурой соответствующего концепта — например, фрейма или сценария.

Сформулируем **исходное положение статьи**: метонимические переносы слов тесно связаны с определенными типами концептов и осуществляются в логике структуры этих концептов; метонимия является результатом манипуляции знания о денотате в свете представлений о целом и его частях. По крайней мере, значительная часть лексической метонимии строится на основе структур фрейма, пропозиции и сцена-

рия. А структура фрейма, пропозиции и сценария, в свою очередь, предстает в процессе метонимического воспроизведения в свете отношений целого и части.

В условиях терминологического разнобоя в этой сфере, когда в один и тот же термин зачастую вкладывается разное содержание и не одинаково понимается соотношение разных типов концептов, поясним, что в понимании таких типов концепта, как фрейм, пропозиция, сценарий, мы исходим из оценки их как разных способов организации, хранения и воспроизведения знания, в том числе знания *об одном и том же денотате*. Иначе говоря, мы рассматриваем эти типы концептов не как взаимоисключающие в отношении организации знания об одной денотативной области (например, о больнице, собрании, дороге), а как взаимно дополняющие.

Рассмотрим заявленные типы метонимии.

Сущность и разновидности **фреймовой метонимии** обусловлены фреймом как ментальной единицей. По определению Н.Ф. Алефиренко, фрейм — это «объемное и целостное представление многокомпонентного явления типа *класс: комната, доска, парты, учительский стол, мел, географическая карта, глобус* и т. д.» [1, с. 75]. Структура фреймов, организующих знания о разных типах денотатов, отражает особенности этих денотатов. Типичными денотативными областями, знания о которых организованы фреймовым принципом, являются сферы действительности (лес, море, горы, Земля, Вселенная) и человеческой деятельности (образование, медицина, наука, производство, экономика, сельское хозяйство), учреждения, организации (университет, поликлиника, почта, полиция, Третьяковская галерея, Роснефть), государственно-политические единицы (государства, их союзы: Россия, ООН, СНГ, Евросоюз), административно-территориальные единицы (города, села: Москва, Хельсинки, Давос, Минск, Тарханы) и их части (Кремль, Майдан, Тяньаньмень), здания, средства транспорта, мебель, посуда и мн. др., среди них, конечно же, человек и животное.

Набор субфреймов применительно к разным типам денотатов может различаться, однако незначительно. Приведем обобщенную характеристику фреймовой структуры некоторых типов концептов.

Так, концепты **«Учреждение»** объединяют следующие блоки («части»): тип учреждения по его назначению (университет, больница, полиция, редакция, столовая), помещение, сотрудники, документы, инфраструктура: общая (мебель, средства связи) и специфическая (мебель узкого назначения (ср.: в столовой, в больнице, в редакции), оборудование (медицинское оборудование, лекарственные препараты в больнице; оружие в полиции; посуда в столовой и ресторане; и т. д.).

Концепты, организующие знания о **зданиях**, представляют совокупность следующих типовых «частей» (сходных с элементами концептов «учреждения»): здание (и его части — отдельные помещения разного назначения), представленное разновидностями (жилой дом, административное здание, здание школы, цирка и мн. др.), люди (и/или животные), находящиеся (проживающие или работающие) в этом здании, документы, инфраструктура (мебель, средства связи, оборудование).

Концепты, организующие знания о **государственно-политических единицах**, складываются из таких «частей», как территория и ее части — края, области, города, реки, горы и т. д.), население — целиком и любая его часть, инфраструктура (экономика, культура, социальные феномены) и т. д.

Концепты, организующие знания об **административно-территориальных единицах** (городах, селах и др.), имеют структуру, сходную со структурой предыдущего типа концепта, и включают такие «части», как территория, население — целиком и любая его часть, инфраструктура (экономика, культура, социальные феномены) и т. д.

Такая структура концепта-фрейма предопределяет неизбежную многозначность слов, именующих эти денотаты, типы метонимических переносов и даже состав вторичных, метонимически производных ЛСВ.

Многозначность названий этих тематических сфер оказывается регулярной, а их семантическая структура включает типовой набор ЛСВ, которые связаны между собой отношениями целого и его частей.

Обратимся к денотативной сфере «Учреждение». При метонимическом обозначении этой сферы наблюдается перенос с целого на часть. В качестве примера рассмотрим концепт-фрейм «Университет». Название целого – слово *университет* – регулярно используется для наименования самых разных «частей» университета, образующих данный фрейм:

– «тип учреждения – высшее учебное заведение»: *Я поступил в университет;*
 – «здание»: *Университет построен в 1976 г.;*
 – «тип образования, получаемого в этом учреждении»: *У меня техникум, а у него университет – разница!*

– «период времени, связанный с пребыванием (обучением или работой, в другом случае – с лечением (о больнице), развлечением (о цирке) и т. д.) в учреждении»: *Это было в моей жизни еще до университета;*

– «люди, работающие или получающие услуги в учреждении» – в данном случае работающие или обучающиеся в университете, при этом важно подчеркнуть – представленные любой частью, вплоть до отдельно взятого человека:

а) «коллектив студентов и сотрудников»: *Университет вышел на субботник;*
 б) «руководители»: *Университет принял решение об открытии филиала;*
 в) «представители преподавателей, сотрудников, студентов»: *Университет переизбрал ректора на новый срок;*
 г) «студенты из университета (в разном количестве)»: *Университет на областной студенческой конференции занял все призовые места;*

д) «любые представители, вплоть до одного отдельно взятого человека» (на совещании преподавателей, или методистов, или профсоюзных деятелей, или юристов, бухгалтеров вузов области): *– Где в зале расположился университет?*

– «документы самого разного характера», например:

а) в речи сотрудника районной поликлиники, работника областного министерства образования, сотрудника министерства финансов, сотрудника типографии и т. д. фраза *Найдите на верхней полке (в сводной таблице и т. д.) университет!* может означать поиски медицинских карт, отчета, устава, бланков дипломов, цифр и иных показателей и многого другого;

б) в речи сотрудника, совмещающего работу в университете с работой в другом месте, фраза *В какой папке у меня университет?* может означать поиск расписания, списка, контрольных работ, зачеток студентов и т. д.).

Аналогично выглядит использование слова *университет* по отношению к другим «частям» этого концепта – к спортивному инвентарю, сооружениям разного назначения, к мебели – купленной, сланной куда-либо на ремонт, по отношению к книгам из / для библиотеки университета и т. д.

В свою очередь, подразделения как «части» университета осмысляются и именуется по той же логике: *филфак, деканат, кафедра, заочное отделение* – о корпусе, помещении, сотрудниках, студентах, документах и т. д. Приведем пример такого рода метонимии из устной речи: завуч школы при распределении по классам детей, прибывших из разных учреждений на конкурс, говорит вахтеру: *Зачем вы дали ключ от этого класса? Этот мальчик не «Веселые человечки», он 17-я школа!* (пример М. Добровой) – в данном случае названия целого «*Веселые человечки*», *17-я школа* использованы по отношению к одному мальчику, представляющему как часть соответствующие коллектив и учреждение.

Названные типы метонимического переноса характерны для массивов лексем, кодирующих знания о разного рода учреждениях и организациях в формате фрейма, в частности, для лексем *завод, школа, гимназия, институт, больница, детсад, издательство, редакция, театр, филармония, министерство, полиция, суд, турбюро, драмкружок, спортивная секция, НИИ, академия наук* и мн. др.

Почему об этих речевых фактах мы говорим не только в терминах *вместилище – вместимое*, которые, на первый взгляд, более точно их описывают, но и в терминах целого и его части? По нашему убеждению, перенос в данном случае возникает как следствие того, что в сознании говорящих существует представление о доме, университете, школе, почте не только как об отдельной сущности, но и о **доме, университете, школе, почте как о целом**, включающем строение (собственно вместилище), живущих или работающих в нем людей, мебель и т. д., о **детской как о целом**, включающем комнату (собственно вместилище), живущих в ней детей, детскую мебель, игрушки и т. д., о **гардеробе** – не только как о мебели, а как о целом, включая находящуюся в нем одежду, о **стакане** – как о сосуде с жидкостью, о **трамвае** – как о вагоне с находящимися в нем пассажирами, водителем, кондуктором и т. п.

В типичных ситуациях названные «части» воспринимаются в совокупности как единое целое. Получается, что трамвай воспринимается и осмысливается и как отдельная сущность (транспортное средство), и как сложная **целостность**, включающая техническое средство (осмысляемое как вместилище), пассажиров, водителя, кондуктора (осмысляемых как вместимое и в то же время как **части** целого).

Думается, что именно такое – комплексное – представление о предмете служит основанием для регулярного переноса названия между реалиями, связанными отношениями целого и его частей. При этом трактовать тип переноса во многих случаях можно двояко:

– как перенос названия с одной части целого на другую его часть (*Весь трамвай обсуждал эту новость* = «обсуждали пассажиры»: с названия транспортного средства как части общего фрейма «трамвай» – на пассажиров как другую часть того же общего фрейма)

– или, если исходить из того, что слово *трамвай* именуется не только транспортное средство, но и комплексный фрейм «трамвай», – как перенос названия целого на пассажиров как на часть этого целого.

Аналогично выглядит картина переноса названия в выражениях *Они дружили домами; Детская долго не могла угомониться; В мебельном магазине продается недорогая детская/прихожая; Надо обновить гардероб* (ср. с определением: *весенний гардероб*); *Пришлось выпить три стакана*. Иными словами, перенос названия со стакана, трамвая, дома и т. д. действительно может квалифицироваться как перенос с вместилища на вместимое по смежности (с когнитивной точки зрения в этом случае следует сказать – с одной части целого на другую часть). Однако важно понимать, что за этим названием в сознании человека стоит не только представление об отдельной от жидкости, отдельной от пассажиров, отдельной от жильцов сущности, но и представление о стакане с водой, о трамвае с пассажирами или такси с водителем, о доме с жильцами, мебелью как о единой сущности, поскольку в типичных ситуациях они воспринимаются вместе. В этом случае допустимо квалифицировать это метонимическое выражение как перенос с целого на его часть.

В любом случае именно «комплексное» представление служит когнитивным основанием для осмысления отношений смежности и переноса названия на основе этой смежности, поскольку наиболее отчетливо смежность осознается между частями единого целого.

Семантический эффект метонимических переносов с целого на часть и с части на целое является разным.

Перенос с целого на часть высвечивает **связь между именуемой реальией и целым**, к которому эта реальия принадлежит. Ср. два способа именованной одной реальности — людей как пассажиров — в следующих выражениях: *Все пассажиры сразу замолчали* и *Весь трамвай сразу замолчал*. В первом случае названа лишь сама характеризующая реальия — пассажиры, во втором случае эти люди названы как **часть комплексно воспринимаемого трамвая**. Доказательством восприятия пассажиров как части фрейма «трамвай» в сознании может служить, в частности, то, что выражение *Все пассажиры вышли на тротуар* (в ситуации поломки вагона) оценивается как корректное, а выражение *Весь трамвай вышел на тротуар* как некорректное.

Перенос названия с части на целое имеет другой семантический эффект: смещение внимания с целого на часть сопровождается **осмыслением функции этой части в составе целого**. Акцентирование внимания на функции этой части в составе целого, в свою очередь, обуславливает актуализацию данного аспекта деятельности в составе целого. Это характерно прежде всего для существительных с собственно предметным значением. Приведу примеры переноса названия с части на целое при образной номинации реалий нескольких денотативных сфер.

Широко распространен этот тип метонимии в сфере концепта «человек»: *Он у нас голова!*; *А молодые «мозги», окончив вузы, бегут из страны: за последние годы Россия потеряла более 200 000 ученых-исследователей* (Комс. правда); *Но многие наши «светлые умы» не могут продавать свои идеи, потому что далеки от рыночной экономики* (Комс. правда) (о людях в аспекте их интеллектуальной деятельности); *В семье пять ртов* (о людях как едоках); *Этот человек будет нашими глазами и ушами* (о человеке-наблюдателе); *государево око* (о прокурорах в аспекте их функции надзора за соблюдением закона); *Чтобы, не дай бог, из толпы не прокричали что-то кощунственное для властного уха* (Костиков) (о человеке в аспекте слухового восприятия информации); *Он всю жизнь был особо чувствителен к запахам. «Талантливый нос!» — говорил про него отец...* (Грекова) (о человеке с выдающимися обонятельными способностями); *Разведчики взяли языка* (о человеке как источнике информации); *Пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков, которого иногда называют «голосом Путина», дал большое интервью американскому изданию...* (МК.RU) (о человеке в аспекте речи — трансляции чужого мнения); *нашествие на Россию армии двенадцати языков* (о народах, говорящих на разных языках); *Нужна еще пара рук* (о человеке как работнике).

Как свидетельствуют приведенные примеры, перенос названия с части человека (с того или иного органа: рот, глаза, уши, нос, мозги, язык, руки и др.) на человека в целом сопровождается осмыслением этого органа в функциональном аспекте: рот — в данном случае осмысляется как орган поглощения пищи, глаза, уши, нос — как органы восприятия, получения зрительной, слуховой, обонятельной информации, язык — как орган порождения речи, руки — как орган практической деятельности, голова, мозги — как орган интеллектуальной деятельности. При обозначении целого (в данном случае человека) через его часть, осмысляемую функционально, происходит актуализация соответствующей сферы жизнедеятельности человека в целом — как человека-едока, или как человека говорящего, или как человека думающего, или как человека-наблюдателя, поставляющего информацию об увиденном-услышанном, или как человека-деятеля.

В других случаях — по отношению к другим денотатам функциональный аспект осмысления части в составе целого при переносе оказывается не актуальным, хотя функции этих (разных!) «частей» очевидны для говорящего. Приведем в качестве

примера метонимические переносы в сфере обозначения средств транспорта, прежде всего автомобиля. В этой функции используются такие названия частей, как мотор, колеса, руль: *Едва удалось поймать мотор; Я сегодня на колесах; За рулем — известный гонщик*. В этих случаях наблюдается синонимия между разными способами метонимического обозначения автомобиля, и функция многообразного метонимического обозначения автомобиля через его части иная — прежде всего экспрессивная.

Обычно же в сфере обозначений артефактов используется название одной типичной для них части и не наблюдается многообразия переносов по модели часть — целое: *Прилетели два борта* (о самолете, вертолете); *В ходе операции изъяли несколько стволов* (об оружии).

Аналогичная картина наблюдается в сфере обозначений животных посредством лексемы *голова*: *Стадо в тысячу голов*. Между тем при возникновении потребности в экспрессии рождаются и иные метонимические обозначения животного по его части, например: *По килограмму мяса — на один хвост* (или — *в одни лапы*). Можно предположить, что выбор той или иной части тела животного при этом сравнительно безразличен, т. е. функциональный аспект соответствующей части целого (мотора, колес, руля — у автомобиля, головы, хвоста, лап — у животного) оказывается не актуальным, главное — эффект известной неожиданности, обеспечивающий экспрессию высказывания. Но в том случае, если возникает потребность в актуализации какого-либо конкретного аспекта животного, наблюдается мотивированный выбор части для обозначения животного в целом: *Не кот, а кишка!* (о прожорливом животном). Кстати говоря, экспрессивная функция в сфере обозначения человека тоже может повлечь неожиданный (и, по сути дела, — не мотивированный ситуацией) выбор части тела, например: *На вечеринку собираем по тысяче рублей с носа* (с человека)!

Пропозициональная метонимия в направлениях переносов (и лежащего в их основе сдвига фокуса внимания) отражает структуру ситуации-события, т. е. другой способ организации и воспроизведения информации. Концепт-пропозиция организует знания о денотате в аспекте его типовых ситуативных связей с другими денотатами, то есть в категориях компонентов ситуации — актантов и сирконстантов: субъекта, объекта, адресата, орудия, места и т. д. Метонимические переносы, предопределенные структурой пропозиции, также представляют собой манипуляции словом в логике отношений *целого и его частей*. Однако в качестве частей выступают не соположенные, статично осмысляемые компоненты одной денотативной сферы, а компоненты, организованные конкретной динамической ситуацией — субъект, объект и т. д., тогда как с целым соотносится вся ситуация-событие.

Пропозициональная метонимия выражается в известных моделях метонимических переносов «действие → субъект действия», «действие → результат (объект) действия», «действие → место действия», «действие → средство действия», которые охватывают большие лексические массивы. Например: *суд* — «ситуация-событие, действие» и «состав судей», *остановка* — «ситуация-событие, действие прекращения движения» и «место этого действия», *упаковка* — «действие упаковывания», «средство, используемое для упаковывания — бумага и т. п.» и «результат этого действия — упакованный объект». Все эти разновидности метонимии представляют собой перенос названия с «целого» (ситуации, названной по характеру организующего эту ситуацию действия — суда, движения и остановки, упаковывания, а также купли, продажи, созидания, других конкретных типов действия) на ее «части» — на субъект, или объект, или орудие, или место и др.

Пропозициональная метонимия по понятным причинам широко распространена среди отглагольных существительных, опредмеченно называющих **ситуацию в целом**: *суд, работа, защита, смена, вязанье, руководство, стройка, мойка, замазка, печать* и т. п.

Название целой ситуации в результате переноса становится названием того или иного компонента либо аспекта данной ситуации, т. е. названием ее **части**. Например: *Суд состоится завтра* (ситуация в целом, обозначенная через действие) — *Суд удалился на совещание* (судьи, субъекты действия) — *Юноши остановились около суда* (место действия).

Для демонстрации массового характера пропозициональной метонимии приведем (далеко не полные) списки существительных, которые регулярно используются в метонимически производных значениях и имеют эти вторичные значения в качестве системных ЛСВ.

Действие → **субъект**: *суд, защита, обвинение, нападение, руководство, охрана, съезд, сбор, замена, смена, разведка, собрание.*

Действие → **объект**: *работа, труд, исследование, вязание, плетение, варение, соленье, печение, накопление, сбережение, сбор, решение, сочинение, писание, письмо, описание, анализ, замена, наклейка, раскраска, обивка, вставка, добыча, издание, редакция, изменения, дополнения, поправка, добавка, выделение, подчеркивание, объединение, стрижка, облицовка, стройка, воспоминания, съемка.*

Действие → **место**: *стройка, мойка, вход, выход, переход, объезд, спуск, подъем, остановка, зимовка, обрыв.*

Действие → **средство** (материал как средство): *замазка, упаковка, обивка, облицовка.*

Действие → **инструмент** (оборудование): *мойка, печать, свисток, зажим, поднос, прицел.*

А то, какой именно компонент ситуации (субъект, объект, средство, место) получает метонимическое обозначение по имени целой ситуации, зависит от коммуникативной потребности — от того, что оказывается наиболее важным. Как можно видеть из приведенных списков, одно и то же слово, помимо основного значения (действия) может приобретать не одно, а несколько вторичных, метонимически производных значений, образованных по логике пропозициональной метонимии, в частности: *сбор* — «субъект» («те, кто собрались»: *Пионерский сбор дружно проголосовал*) и «созидаемый объект» («то, что собрано»: *валовой сбор зерна; потогонный сбор, слабительный сбор*); *замена* — «субъект» («те/ то, кто/что заменяет») и объект (те/то, кем/чем заменяют); *облицовка* — «средство, материал» («то, чем облицовывают») и «созидаемый объект» («результат облицовывания»), *стройка* — «созидаемый объект» и «место действия», *упаковка* — «средство» и «созидаемый объект», *печать* — «инструмент» и «созидаемый объект».

Однако более широкое распространение разновекторного переноса одного названия с целого одновременно на несколько «частей» (на субъект, объект, орудие и т. д.) ограничивается возникающими при этом коммуникативными неудобствами.

Сценарная метонимия базируется на сценарии как разновидности концепта. Под сценарием понимается «последовательность стереотипных эпизодов (этапов или элементов), развивающаяся во времени и пространстве» [1, с. 75]; «процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма и инструкции» [4, с. 120]; «последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [7, с. 119]. В качестве примеров концепта-сценария ученые приводят организацию знания о посещении поликлиники, посещении театра и кино, о процедуре экзамена, о процессе игры, драки, экскурсии.

Сценарный тип метонимии наиболее характерен для глагольной лексики. Он наблюдается при номинации событий — сложных, многоактных действий, при номинации деятельности комплексного характера (поездка в транспорте, посещение столовой, свадьба), осмысляемой как некое «целое». Принцип метонимической номинации

в этом случае сводится к использованию слова, именующего один акт из цепочки действий, для именованя всего комплекса действий.

В соответствии с логикой сценарной метонимии для номинации «целого» могут использоваться имена разных действий – в одних случаях начальных, в других – финальных, в третьих – срединных, при этом не всегда сущностных. В тех случаях, когда в роли названий всего комплекса действий используются названия «сущностных» действий, метонимия не ощущается, и напротив: если в этой функции используется название «технического» действия-этапа, метонимический характер глагольного именованя комплексного события ощущается явственно.

По нашим наблюдениям, в картине метонимии сценарного типа преобладает использование глаголов движения. Прокомментируем примеры.

Подойди к телефону – названное действие буквально означает лишь приближение к телефону, однако предметом номинации является комплекс действий: подойти к телефону, взять трубку и – главное – поговорить по телефону, а также положить трубку. Ср. другой метонимический способ обозначения того же действия: *Возьми трубку* (телефона). В этом случае для номинации комплекса действий выбрано другое действие как «часть» – манипуляция с трубкой телефона. Если бы для номинации всего названного комплекса действий была выбрана лексема со значением более важной части комплекса действий (*Поговори по телефону* или *Ответь на звонок*), метонимический характер номинации был бы не очевиден. Ср. еще один способ обозначения того же комплекса действий, внешне также не производящий впечатления метонимии: *Он сегодня звонил мне*.

Выражение *Надо сходить к врачу*, которое буквально называет лишь перемещение, метонимически обозначает комплекс действий: попасть на прием к врачу, получить консультацию либо взять справку, возможно, обследоваться, получить назначения и т. д.

Тот же глагол применительно к другой ситуации может метонимически обозначать совсем иной комплекс действий, среди которых собственно перемещение не является центральным, ср.: *Я уже ходил сегодня в магазин* (= сделал покупки) / *ходил на почту* (=отправил посылку, получил перевод).

Ребенок уже ходит в детский сад (=проводит там время, играет с детьми, проходит обучение, принимает пищу, спит, гуляет и т. д.), *ходит в школу* (=учится), *посещает кружок* (=рисует, конструирует, поет, танцует).

Собираюсь сходить в библиотеку (взять книги, возможно, почитать там книги, сделать выписки, конспекты, составить библиографию и т.д.).

Я ходил вчера в театр (в разных ситуативных условиях эта фраза, означая комплексный характер деятельности с учетом статуса субъекта действия – зрителя, актера, критика, сантехника, инспектора по пожарной безопасности и т. д. – именуется совершенно разным набором действий. Ср. другой глагол – с семантикой бытийности (*Я был вчера в театре*) – в такой же функции метонимического обозначения той же самой комплексной деятельности. См. также: *сходить в деканат, в бассейн, в парк, на субботник, на митинг* и мн. др.

Даже вне контекста фразы типа *Надо подойти завтра к директору*, как и приведенные выше фразы, означают для собеседника, что речь идет о комплексе действий, состав которых в некоторой степени понятен, а необходимую конкретизацию получает в ситуации или контексте (познакомиться с директором, или побеседовать, или обратиться с просьбой либо предложением, вопросом, жалобой и т. д.).

Глагол движения, указывающий на другой способ перемещения (с помощью транспорта), выполняет ту же функцию метонимического обозначения комплекса дей-

ствий, входящих в понятие об отдыхе: *Давай съездим к морю!* (купание, загорание, прогулки и многие другие действия).

Как вы сюда добрались? — *Вызвал такси / купил билет на поезд / попросил соседа довезти.*

В условиях широкого использования глаголов движения для метонимического обозначения комплекса самых разных действий в разных сферах деятельности возникает вопрос: каким образом происходит различение принципиально разных видов деятельности, метонимически кодируемых одной глагольной лексемой? В контексте или в ситуации при этом обычно содержится указание на конкретный концепт-фрейм (или ключевое для этого фрейма понятие), подразумевающий определенный тип деятельности, ср.: *ходил на почту, в магазин, в поликлинику (к врачу), в театр (на спектакль, на Папанова), в библиотеку, в ресторан, на пляж* и т. д. Таким образом взаимодействуют фрейм и сценарий, содержащие знание об одной денотативной ситуации.

Как уже говорилось, в тех случаях, когда многоактное действие обозначается через указание на его центральный акт, метонимическая логика такой номинации не бросается в глаза, хотя и в этом случае именуется в буквальном смысле лишь один акт из комплекса действий, например: *Я купила хлеб* (ср.: *Я ходила в хлебный магазин*). Приведу аналогичные примеры, касающиеся номинации посещения столовой: *Сегодня в столовой я ела / брала гречневую кашу*. Оба выражения кодируют одинаковый набор действий: *ходила, брала, платила, ела* названное блюдо, но метонимический характер обозначения события в случае использования глагола *ела* не очевиден в отличие от фразы с глаголом *брала*. Безусловно метонимическим является обозначение того же события посещения столовой через название более частного действия: *Будешь обедать? — Нет, я ходила в столовую; Садитесь с нами пить чай. — Я только что (пришла) из буфета*. Применительно к обеду в ресторане в этой функции используется также глагол *заказывала*, также называющий лишь одно из многочисленных частных действий.

Рассмотрим еще несколько примеров сценарной метонимии при обозначении сходного комплекса действий. В этих примерах в качестве метонимического обозначения события используются глаголы, совмещающие семантику *движения* и

а) в одном случае — *пространственного расположения*: *Давай завтра встретимся*; эта фраза означает не только пространственное расположение двух лиц, но и более важные действия, являющиеся целью встречи, а также зрительное восприятие друг друга;

б) в другом случае — *зрительного восприятия*: *Загляните к нам сегодня вечером*; в этом случае глагол зрения имеет семантику целенаправленного действия.

Любопытно, что та же ситуация может обозначаться глаголом зрительного восприятия, не являющимся глаголом целенаправленного действия. Фраза *Мы с ним сегодня виделись* может означать как мимолетную (и даже бесконтактную) встречу, так и какое-либо взаимодействие этих лиц: разговор, обсуждение, совместные действия. В последнем случае мы имеем дело с фактом сценарной метонимии.

Показательно, что во всех трех приведенных примерах сценарной метонимии с использованием разных по значению глаголов имеется в виду потенциально один и тот же комплекс действий: движение, зрительный контакт (взаимное восприятие) и, весьма вероятно, — взаимодействие, прежде всего речевое, которые в рамках типовых ситуаций сопутствуют друг другу. Поэтому название любого из этих действий как часть события может использоваться для именованя целого — ситуации, сложной по структуре действий.

Вообще глаголы с семантикой чувственного восприятия нередко используются для метонимического обозначения события, например: *Вы не могли бы **посмотреть** мою статью?* Эта фраза предполагает комплекс взаимосвязанных действий: прочитать, оценить содержание, логику и т.д. и высказать свою оценку. Аналогично: ***Прочитай-те** мой рассказ; Научный руководитель **смотрел** мою картотеку;* а также с обозначением других способов восприятия: ***Послушайте** мои стихи; Прежде чем **покупать** рыбу, ее надо **понюхать**.*

См. варианты обозначения одного события с использованием сценарной метонимии: *Студент **показывал** – **сдавал** – **приносил** руководителю эту главу.*

Обратимся к другой ситуации, также предполагающей комплекс действий, – ситуации вступления в брак. Эта ситуация состоит из нескольких актов и может называться обобщенно (*вступить в брак, жениться, выйти замуж*) либо по одному из актов (потенциально любому), то есть с использованием сценарной метонимии: *расписаться, окрутить, пропить*. Приведем примеры: *Они вчера **расписались*** (устная речь); *Еще третьего дня поп **окрутил** молодых* (Аристов); *Ну, Александр, поезжай, **пропивай** сестру, женихи на сестру сватаются* (устная речь). Из приведенных фактов сценарной метонимии требует пояснения, пожалуй, лишь один: кажущееся метафорическим выражение *окрутить* (молодых, новобрачных и т. п.), по свидетельству ряда источников, восходит к обозначению одного из этапов ритуала венчания – обвести жениха и невесту вокруг аналога [8, с. 193], а следовательно, представляет собой пример сценарной метонимии.

Прием сценарной метонимии широко используется при номинации смерти и похорон человека: *испустил дух, остановилось сердце, его не стало* (среди нас), *отпели, предали земле (закопали), простились* – на фоне обобщенных наименований *умер и похоронили* (последнее наименование этимологически представляет также сценарную метонимию).

Механизм сценарной метонимии может использоваться даже тогда, когда в нем нет необходимости, т. е. не требуется значимая в таких случаях экономия языковых усилий, например, при номинации речевого действия: *Он рта не открывал* или *не закрывал* («не говорил» или, напротив, «говорил, не умолкая»). Думается, что в таких случаях метонимия имеет другую функцию – служит целям не экономии, а экспрессии.

Обнаружение описанных типов метонимии подтверждает на языковом уровне существование разных способов структурирования и хранения знания: фрейма, пропозиции, сценария. Не менее важно установление факта влияния когнитивных единиц на закономерности функционирования языковых единиц, в том числе закономерности переноса слов, закономерности семантического развития слов. Как показало описание результатов когнитивного анализа лексической метонимии, многие разновидности лексической метонимии базируются на соответствующих типах концептов, что позволило выделить и противопоставить фреймовый, пропозитивный и сценарный типы метонимического переноса лексических единиц разных частей речи.

Для лингвистики вскрытие подобной картины играет очень важную роль: демонстрирует действие магистральных векторов, которые объединяют разрозненные частные типы лексической метонимии и отдельные не поддающиеся обобщению языковые факты и позволяют свести их в одну общую картину.

Сделанные наблюдения свидетельствуют о большой роли партитивных отношений: как было показано, на них базируются фреймовый, пропозитивный и сценарный типы переноса. Фреймовая метонимия представляет собой процесс и результат переноса лексемы с целого на ту или иную его часть в рамках одной статично представляемой денотативной сферы (*больница, Самара*). Пропозитивная метонимия об-

разуется в процессе и в результате переноса лексемы с ситуации на тот или иной компонент этой ситуации — на субъект, объект, место и т. д. (*собрание, смена, покупка*). Сценарная метонимия отражает процесс и результат переноса лексемы с одного этапа или аспекта сложно организованной деятельности на всю многоактную деятельность (*сходить в поликлинику, расписаться в загсе*). В этом смысле существующее разделение собственно метонимии и синекдохи выглядит узким и некорректным.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что на когнитивном уровне партиитивные отношения играют большую роль не только в процессе развития метонимической многозначности в системе языка и в речи, но и в обработке информации о денотате и в принципах организации знания о денотате в памяти в форме концептов разного типа.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003, 96 с.
2. Илюхина Н.А. Концептуализация суточного и годового времени: семасиологическая и лингвокогнитивная интерпретация метафорических высказываний // Язык — текст — дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. Н.А. Илюхина. Самара: Изд-во «Универс групп», 2011. С. 138–141.
3. Илюхина Н.А. О механизмах образной концептуализации астрономического времени в русской языковой картине мира // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2013. № 3. С. 87–93.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.]. М., 1997. 245 с.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры. 2004. 792 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 314 с.
8. Резникова Е.В. Концепт «круг» в русской языковой картине мира: опыт интерпретации на основе образ-схемы: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2015.

References

1. Alefirenko N.F. Problems of verbalization of the concept: Theoretical research. Volgograd, Peremena, 2003, 96 p. [in Russian].
2. Ilyukhina N.A. Conceptualization of time of the day and annual time: semasiological and linguo-cognitive interpretation of metaphorical statement. *Iazyk — tekst — diskurs: problemy interpretatsii vyskazyvaniia v raznykh kommunikativnykh sferakh: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii /nauchnyi redaktor N.A. Iliukhina*. [Language-text-discourse: problems of interpretation of utterance in different communicative spheres: materials of international scientific conference. N.A. Ilyukhina (Ed.).]. Samara, Izd-vo «Univers-grupp», 2011, pp. 138–141 [in Russian].
3. Ilyukhina N.A. On mechanisms of imaginative conceptualization of astronomical time in the Russian linguistic view of the world. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia* [Scientific survey: humanitarian researches], 2013, no. 3, pp. 87–93 [in Russian].
4. Concise dictionary of cognitive terms. Compiler E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina. M., 1997, 245 p. [in Russian].
5. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Transl. from English by I. Shatunovsky. M., Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 792 p. [in Russian].

6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. М., Editorial URSS, 2004, 256 p. [in Russian].
7. Popova Z.D., Sternin I.A. *Cognitive linguistics*. М., AST: Vostok – Zapad, 2007, 314 p. [in Russian].
8. Reznikova E.V. *Kontsept «krug» v russkoi iazykovoï kartine mira: opyt interpretatsii na osnove obraz-skhemy: Diss. ... kand. filol. nauk* [Concept «circle» in the Russian linguistic view of the world: experience of interpretation on the basis of image–schema: Candidate's of Philological Sciences Thesis]. Samara, 2015 [in Russian].

Н.А. Илюхина*

ON THE TYPOLOGY OF LEXICAL METONYMY IN THE LIGHT OF COGNITIVE PRINCIPLE**

In the article the new principle of typology of lexical metonymy considering connections of transfer of a lexical item with the type of a concept which organizes knowledge about the corresponding denotative sphere and type of denotation is suggested. Within typology of transfers of lexical items of different parts of speech frame, propositional, and script types of lexical metonymy appearing on the basis of corresponding types of concepts are identified. The point is established that all these types of lexical metonymy are built on the whole–part relationship in the context of structure of this or that concept.

Key words: cognitive linguistics, metonymy, concept, frame, proposition, script.

Статья поступила в редакцию 20/VI/2015.
The article received 20/VI/2015.

---

* *Ilyukhina Nadezhda Alekseevna* (ilnadezhda@rambler.ru), Department of Russian Language, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

** *The research was carried out with support from the Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project № 15–14–63002).*